

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И СУДОУСТРОЙСТВО

УДК 342

ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В СИСТЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЕВ
(Полоцкий государственный университет)*

Выясняется юридическая природа итоговых решений конституционных судов в контексте проблемы источников права. Актуализируется вопрос о необходимости различения системы права и системы законодательства. Объясняются причины неоднозначного понимания итоговых решений судебного конституционного контроля в Республике Беларусь и Российской Федерации. Показаны позиции ведущих ученых и практиков, занимающихся данной проблемой. Выясняются причины несовершенства действующей системы законодательства Республики Беларусь, особо подчеркивается неприемлемость отказа от принципа верховенства закона. Делается вывод о том, что без жесткого соблюдения иерархии в системе законодательства невозможно функционирование правового порядка в целом. Показана роль конституционного правосудия в построении иерархической системы законодательства.

Введение. Характеризуя специфические признаки юридической природы решений Конституционного Суда Республики Беларусь по вопросам проверки нормативных актов на конституционность, следует понимать, что нормативное качество свойственно только одной категории решений – заключениям Конституционного Суда. Но исследованием этого вопроса проблема юридических свойств итоговых решений конституционных судов не исчерпывается. Важно установить, какой источник права представляют решения такого рода, какова их юридическая сила в системе законодательства либо в системе источников права в целом, а также выяснить отраслевую принадлежность данного источника.

Необходимо четко определиться с тем, через какую разновидность источника права – нормативный правовой акт либо судебный прецедент – проявляется нормативное качество итогового решения конституционного суда. В первом случае такой акт рассматривается в рамках действующей системы законодательства, во втором – через иерархическую структуру всей системы источников права, где речь идет о выражении разности юридической силы отдельных видов источников права и связанной с этим предустановленной соподчиненности источников права в органически цельной системе, охватывающей собой всю совокупность действующих в государстве юридических норм. Одним из следствий неразличения «источниковой принадлежности» итоговых решений конституционного суда является тот случай, когда становится непонятно, оценивается ли решение конституционного суда в рамках системы законодательства либо в параметрах всей системы права. Подобное уточнение исходной позиции нам представляется очень важным, так как оно позволяет более отчетливо различать аспекты нормативно-правового регулирования и особенности судебного правосудия, ведущего к формированию прецедентного права.

Основная часть. На проблеме «источниковой принадлежности» тех или иных норм нередко «спотыкается» белорусский законодатель, чему есть множество подтверждений. Примером может служить благозвучная на первый взгляд формулировка статьи 20 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» о том, что «нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства» (!).

Очевидно, что нормы международного договора никоим образом не могут составлять часть законодательства по той простой причине, что нормативный договор и нормативный правовой акт являются разнородными источниками права. Законодательство согласно дефиниции статьи 1 этого же Закона представляет собой «систему нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения», а первичным элементом системы законодательства является статья нормативного акта либо сам нормативный акт, но никак не правовая норма. Нормы права образуют систему права, а не систему законодательства. Эта явная несуразица пошла, что называется, «плясать» по другим нормативным документам. В частности, статья 8 Трудового кодекса почти дословно воспроизводит конструкцию статьи 20 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»: «нормы вступивших в силу международных договоров Республики Беларусь..., участницей которых является Республика Беларусь, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства о труде». Вне всякого сомнения, юридически корректной и грамотной следует признать формулировку статьи 15 Закона «О международных договорах Республики Беларусь» (в редакции Закона от 8 июля 1998 года), согласно которой нормы международных договоров Республики Беларусь, вступивших в силу, безоговорочно признаются частью действующего на территории

нашей страны права (системы права. – А. П.). Но уже в последней редакции Закона (23.07.2008) «О международных договорах Республики Беларусь» в части 2 статьи 33 вновь появляется ошибочная формулировка: «Нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства (курсив наш. – А. П.)».

Указанные примеры ошибок, на наш взгляд, (тем более в интерпретации законодателя) могут и в дальнейшем породить многочисленные недоразумения, в том числе и с определением юридической природы актов Конституционного Суда. Совершенно неоправданно «стираются» границы между системой права и системой законодательства, что приводит к терминологической путанице и малопродуктивным научным исследованиям.

Ситуация может быть представлена следующим образом. Одни авторы, «усмотрев» за решениями конституционного суда качество прецедента, почему-то рассматривают этот вид источника (формы) права через систему законодательства. Другие, придя к выводу о том, что особая юридическая сила решений конституционных судов всё же сближает их с актами законодательства, решают вопрос этой «силы» исключительно в системе норм, хотя следовало бы – в системе законодательства. Позиция третьих и вовсе интересна, поскольку, признав за решениями конституционных судов нормативное качество, они окончательно не могут определиться с тем, через какой источник эта самая нормативность проявляется – нормативный правовой акт или прецедент, – предпочитая вовсе не рассматривать «встроенность» этих правовых актов (норм) ни в системе права, ни в системе законодательства. Четвёртые категорически отрицают нормативное свойство итоговых решений конституционного суда, вообще не признавая их в качестве источника права. И наконец, пятая позиция сводится к тому, что нормативная природа актов конституционного суда настолько специфична, что не может быть однозначно отнесена ни к нормативному акту, ни к судебному прецеденту, представляя собой нетрадиционную разновидность источника права, но какую – не уточняется.

Очевидно, что взгляды белорусских учёных должны оцениваться не только как результат теоретических изысканий, но и с поправкой на позицию, которой придерживается сам законодатель. (Например, подвергать сомнению нормативную природу актов Конституционного Суда, хотя они «фигурируют» среди видов нормативных правовых актов согласно статье 2 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»). Любые подходы так или иначе должны отражать содержание законодательства. Сходная проблемная ситуация в правовых системах Германии, Казахстана, Литвы и некоторых других стран.

Иное дело – научная полемика по данному вопросу среди российских учёных, которую следует оценивать очень осторожно с учётом особой направленности юридической теории в этой области, имея в виду то обстоятельство, что до сего дня российское законодательство определённым образом «молчит» по поводу однозначного признания за постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации нормативных свойств. Поэтому и «тональность» проблематики в белорусской и российской юридической доктрине звучит по-разному, что наглядно подтверждается при изучении принципиальных вопросов, постановка которых осуществлена на научном уровне. По нашим наблюдениям, уровень полемики в Беларуси и России «пролегал» в разных плоскостях. В белорусской юридической науке большинство учёных отстаивают свои аргументы в своеобразном «заочном споре» с законодателем, который на нормативном уровне сказал своё слово. Дискуссия в российской научной среде иного рода. Маститые учёные увлечены полемикой друг с другом, ибо законодатель предпочёл «промолчать» по многим злободневным вопросам, тем самым (отчасти искусственно) допустив существование правовых лакун.

Но для юридической науки в целом интерес представляют как белорусские, так и российские теоретические подходы, поскольку изучение, анализ и учёт достижений той или иной правовой школы необходим как важнейшая составляющая для любого по-настоящему масштабного и поливариантного научного исследования по данной проблематике. При этом логично начать с комментирования основных позиций российских теоретиков и конституционалистов, так как, следует признать, в количественном и качественном отношении спектр охваченных ими проблем много больший, чем у белорусских учёных.

Вот что пишет по этому поводу М.В. Баглай: «К числу источников конституционного права относятся постановления Конституционного Суда Российской Федерации... Хотя с формальной точки зрения Конституционный Суд не относится к числу правотворческих органов, акты которого по юридической силе стояли бы выше актов Парламента и Президента, но по существу он таковым является» [1, с. 27]. Иной позиции придерживается О.Е. Кутафин, который полагает, что М.В. Баглай преувеличивает юридическую силу актов Конституционного Суда, ставя их выше актов Парламента и Президента. Тот факт, что нормативные акты, признанные Конституционным Судом неконституционными, утрачивают силу, ...«лишь свидетельствует о том, что Конституция Российской Федерации по своей юридической силе стоит выше актов и Парламента, и Президента, и всех других государственных органов» [2, с. 222]. И впоследствии, в другой своей монографии «Источники конституционного права Российской Федерации» О.Е. Кутафин подчёркивает, что «не следует преувеличивать юридическую силу актов Конституционного Суда Российской Федерации, в которых устанавливается соответствие Конституции Российской Федерации или толкуется сама Конституция. Эти акты... не обладают качеством нормативности» [3, с. 146]. Дискуссионный вопрос о судебных решениях учёный предлагает решать очень взвешенно, на основе тщательного анализа, продуман-

ной методологии, серьёзной аргументации, осторожного и внимательного прогнозирования, надёжной информации для объективной оценки реального влияния прецедентного права в российской правовой системе.

Надо сказать, что у академика О.Е. Кутафина находится всё больше сторонников, разделяющих его взгляды. В частности, Ю.Е. Пудовочкин, исследуя решения Конституционного Суда в качестве источника уголовного права Российской Федерации, не соглашается с мнением тех учёных, которые считают, что решения Конституционного Суда Российской Федерации по тем или иным вопросам уголовно-правового характера признаются в науке судебными прецедентами и объявляются источниками уголовного права. «Однако, как нам представляется, – пишет автор, – в данных случаях в качестве источника уголовного права следует признавать не сам прецедент Конституционного Суда Российской Федерации, а нормы Конституции Российской Федерации, которые имеют непосредственное и прямое действие и не нуждаются в том, чтобы быть опосредованными решением Конституционного Суда. К тому же ссылки на решения Конституционного Суда как на обоснование принимаемых судом общей юрисдикции решений не предусмотрены Федеральным Конституционным Законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», который прямо указывает, что в соответствующих ситуациях подлежат применению непосредственно нормы Конституции Российской Федерации» [4, с. 66].

По мнению Е.И. Спектор, решения Конституционного Суда Российской Федерации обладают общеобязательным характером, хотя «в России официально судебный прецедент не признаётся источником права, тем не менее он играет немаловажную роль на практике». Отсюда делается вывод о том, что «целесообразно на официальном уровне, законодательно признать судебное правотворчество за Конституционным Судом Российской Федерации в качестве одного из необходимых способов формирования правовых норм, на основе которых будут разрешаться не только разово-конкретные дела, но и другие аналогичные дела» [5, с. 95]. Отсутствие ясной аргументации относительно признания за решениями Конституционного Суда прецедентного качества привело в дальнейшем к необоснованному выводу о том, что «признание прецедентного характера... за решениями Конституционного Суда Российской Федерации никак не умаляет роли и места Конституции Российской Федерации и иных федеральных конституционных и обычных законов в иерархической системе нормативно-правовых актов, потому как судебный прецедент является вторичным или производным источником по отношению к закону, он подчинён закону, ... и в конечном счёте является необходимым условием реализации воли самого законодателя» [5, с. 96].

С таким подходом трудно согласиться. Во-первых, даже признавая за решениями Конституционного Суда Российской Федерации свойство прецедента, ошибочно соотносить такой источник права с нормативно-правовыми актами в иерархической системе законодательства, поскольку здесь должна быть задействована не система законодательства, а иерархическая структура системы источников права. Во-вторых, решения Конституционного Суда, характеризующиеся как «вторичные и производные» по отношению к законам, подразумеваются автором тем самым в подзаконном качестве. Но это не так. Постановлениям Конституционного Суда свойствен постконституционный, а не подзаконный уровень, коль скоро любой закон может быть признан не имеющим юридической силы таким постановлением. Однако ни один закон не может отменить итоговое решение Конституционного Суда.

Завуалированность формулировок просматривается у нынешнего Председателя Конституционного Суда России В.Д. Зорькина: «Решения Конституционного Суда по делам о проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов высокого уровня имеют, по сути, нормативный характер (обладают нормативной силой) и как таковые приобретают прецедентное значение... Вместе с тем решения Конституционного Суда с содержащимися в них правовыми позициями – и не прецеденты, и не преюдиция в чистом виде ни для самого Конституционного Суда, ни для других органов. Это правовые акты особого рода, имеющие определённые прецедентные и преюдициальные свойства» [6, с. 161, 164]. Сходная точка зрения несколько раньше высказывалась и М.Н. Марченко [7, с. 406], а мнение о прецедентном характере актов органов конституционного правосудия в современной российской науке становится (как нам представляется, не вполне оправданно) всё более доминирующим.

Более определённо высказывается Н.В. Витрук относительно нормативного характера решений Конституционного Суда Российской Федерации и их юридической силы: «Обязательность решений Конституционного Суда означает их непререкаемость, которая обусловлена их юридической силой. По юридической силе решения Суда приравнены к юридической силе Конституции Российской Федерации (подчёркнуто нами. – А. П.), так как решения Конституционного Суда Российской Федерации нельзя преодолеть решением любого другого государственного органа, какое бы высокое место он ни занимал в государственной структуре» [8, с. 53]. Учёный также выясняет природу «правовых позиций» Конституционного Суда Российской Федерации по конкретным конституционно-правовым проблемам, отмечая при этом, что «они носят общеобязательный характер, обладают высокой значимостью и юридической силой (сравнимой с юридической силой Конституции Российской Федерации), а также самостоятельностью, имеют характер конституционно-правовой нормы» [9, с. 89]. В том же духе высказывается С.Э. Несмеянова, когда указывает, что «решения Конституционного Суда Российской Федерации по юридической силе могут стоять на одном уровне с конституционными нормами» [10, с. 173] (хорошо бы уточнить, речь идет о нормах всей конституционной отрасли права либо о нормах Основного Закона? – А. П.).

Точку зрения, близкую позиции Н.В. Витрука и С.Э. Несмеяновой, высказывает Б.С. Эбзеев, правда, с некоторыми оговорками: «Несомненно одно, решению Конституционного Суда действительно присуща материально-правовая сила закона (подчёркнуто нами. – А. П.), но это решение не является нормативным актом и не рассматривается в качестве прецедента, имеющего нормативно-регулирующее значение, хотя фактически и выступает таковым» [11, с. 164].

Более категоричен Р.В. Енгибарян: «... решение органа конституционного контроля является источником конституционного права только в том случае, если содержит правовую норму, т.е. по существу представляет собой нормативный правовой акт» [12, с. 32].

По мнению Н.А. Подольской, в условиях нестабильности правовой системы особая роль принадлежит актам Конституционного Суда Российской Федерации, «юридическая сила которых приравнивается к силе закона по Конституции» [13, с. 888]. В то же время автор не даёт прямого ответа на вопрос об источниковой принадлежности этих актов, и такой подход просматривается у многих российских учёных.

Мы обращали внимание на то обстоятельство, что нерешённость вопроса по поводу принадлежности актов Конституционного Суда к тому или иному источнику права не позволяет перейти к рассмотрению более важной проблемы – о «встроенности» этих актов в систему законодательства или в систему действующих в государстве источников права. Не случайно многие исследователи склоняются к мысли о том, что решения конституционных судов, по выражению Е.В. Колесникова, являются «новыми специфическими (нетрадиционными) источниками права, поскольку они отличаются от обычных судебных правоприменительных актов, но близки к правотворческим нормативно-правовым решениям высокого уровня» [14, с. 37]. Такая своеобразная и довольно уклончивая формулировка находит в научной среде всё больше сторонников, хотя может увести от предметного рассмотрения проблемы.

Актуальность наведения порядка в системе нормативных правовых актов не вызывает сомнения у В.А. Сивицкого, который справедливо полагает, что «отсутствие единой научно обоснованной системы взаимосвязанных между собой нормативных правовых актов, громоздкость законодательства, дублирование одним нормативным актом другого, противоречия и пробелы правового регулирования давно стали характерными чертами российского законодательства» [15, с. 59], хотя впоследствии он же делает оговорку о том, что иерархия нормативных правовых актов Конституцией Российской Федерации в целом определена. Выясняя взаимосвязь между нормативными актами в системе законодательства, автор не уделяет внимания Постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации, вынесенным в связи с нормоконтролем, но обращается к такой разновидности актов, как постановления о толковании Конституции. Так, В.А. Сивицкий отмечает, что «неоднозначно в иерархии конституционно-правовых актов место постановлений Конституционного Суда о толковании Конституции, которые не могут быть со стопроцентной уверенностью отнесены к нормативным правовым актам. ...Поскольку постановления Конституционного Суда о толковании Конституции должны давать только развёртку её содержания и значения, то подобное толкование является как бы продолжением соответствующей нормы Конституции и не может обладать отдельной от неё юридической силой. Поэтому и располагать акты толкования Конституции должно непосредственно за толкуемой нормой, *то есть за Конституцией* (курсив наш. – А. П.)» [15, с. 67].

Иной позиции придерживается Т.Я. Хабриева, когда особо отмечает то обстоятельство, что, в отличие от других актов, решения о толковании Конституции принимаются большинством, не менее двух третей от общего числа судей. Тем самым, считает автор, следует придавать особое значение именно этим актам, именно тому разъяснению Конституции Российской Федерации, которое дается по специальному запросу в пленарном заседании. О месте и роли таких актов толкования в правовой системе Т.Я. Хабриева пишет следующим образом: «Акты нормативного толкования Конституционного Суда Российской Федерации в порядке части 5 статьи 125 Конституции Российской Федерации имеют более высокую юридическую силу, нежели акты казуального толкования, осуществляемого в рамках рассмотрения других категорий дел. Тем более что последние могли выноситься не в пленарном заседании, а в заседании палаты. Акты нормативного толкования Конституции Российской Федерации обладают юридической силой, уровень которой соответствует уровню Конституции Российской Федерации» [10, с. 324].

Таким образом, проблемы упорядочивания правовых актов, установления полноценных структурно-функциональных связей между ними приобретают большое теоретическое и практическое значение, и нерешённость вопроса, связанного с определением природы (содержания) правовых актов – одна из важнейших её составляющих. В этой связи Н.В. Исаков, А.В. Малько, О.В. Шопина предлагают ввести в систему правовых актов отдельной группой интерпретационные акты, ограничивая их от нормативных [16, с. 19]. Назначение таких актов видится в том, что они «разъясняют содержание юридических предписаний и ориентируют практику на определённый вектор правового развития» [16, с. 20]. Но в таком случае постановления Конституционного Суда «выпадают» из действующей системы законодательства, с чем нельзя согласиться, тем более невозможно установить их связи с другими нормативными актами в рамках системного подхода.

Рассматривая постановления Конституционного Суда как источник российского конституционного права, Е.В. Колесников обращает внимание на значимость выносимых Конституционным Судом решений и тщательную регламентацию процесса их официального опубликования, «что сближает эти акты с законами. ...Однако правовая сила решений Конституционного Суда отнюдь не очевидна, ...и в общей

системе источников права решения Конституционного Суда, исходя из основополагающих принципов народовластия, суверенитета, разделения властей, положенных в основу государственного строительства, и учитывая объективно существующие иерархические связи между разноуровневыми актами, не могут приравниваться к «потенциалу» парламентского закона, а тем более возвышаться над ним» [14, с. 47]. Далее учёный высказывает сомнения по поводу нормативного характера правовых позиций Конституционного Суда, не соглашаясь в этом плане с Н.В. Витруком и Г.А. Гаджиевым, замечая при этом, что «нельзя до бесконечности расширять круг конституционно-правовых источников» [14, с. 48].

Своеобразно видит проблему источников права Б.Н. Топорнин, ведя речь о расширении числа источников права по мере утверждения правового государства. Признавая правотворческую роль Конституционного Суда, а его нормативные решения – источником права, учёный замечает, что «в то же время у этих судебных актов нет заранее установленного суверенитета в системе источников российского права» [17, с. 44]. Он придерживается того мнения, что быстрое обновление права, в котором нуждается Россия, делает именно закон, а не судебный прецедент наиболее подходящим правовым средством.

Примечательна позиция Ю.Н. Старилова, обращающего внимание на проблему оспаривания нормативных актов не только Конституционным Судом, но и судами общей юрисдикции. Напомним, что в Российской Федерации, в отличие от Беларуси, признать нормативный акт недействительным могут и суды общей юрисдикции. В судах общей юрисдикции рассматриваются все дела об оспаривании нормативных правовых актов, кроме тех, проверка которых отнесена законодательством к исключительной компетенции Конституционного Суда Российской Федерации. Учёный отмечает, что «в последние годы в связи с преодолением нормативного подхода как единственного правопонимания, по мере установления конституционного разделения властей, укрепления самостоятельности судебной власти, распространения компетенции суда на нормотворчество всё более получает поддержку точка зрения, признающая судебную практику в качестве источника права. Судебное решение, принятое в результате рассмотрения дела о соответствии закону какого-либо нормативного правового акта, становится также нормотворческим, так как оно формирует новые права, устанавливает недействительность, а следовательно, и неминуемую отмену определённых законодательных положений» [18, с. 127]. Стариловым Ю.Н. подчёркивается новизна данной категории дел, обусловленная прежде всего тем обстоятельством, что объектом судебного обжалования является нормативный акт: «Посредством рассмотрения таких дел суд общей юрисдикции осуществляет судебный контроль за соответствием оспариваемых нормативных актов другому нормативному акту, который *имеет большую юридическую силу и значимость в иерархии нормативных актов* (курсив наш. – А. П.)» [18, с. 128].

Следовательно, для эффективного осуществления функции нормоконтроля решающее значение имеет чёткая иерархия в системе нормативных правовых актов, которая может быть установлена лишь при безоговорочном признании принципа верховенства закона, что имеет место в правовой системе России и от чего неоправданно отказались в Республике Беларусь.

Таким образом, законодательство Российской Федерации во многом представляет собой не просто набор или состав актов, а систему, поскольку все они находятся во взаимосвязи между собой, в определённом соподчинении. «Весьма важным условием эффективности правового регулирования является, как известно, – указывает И.Г. Дудко, – взаимосогласованность правовых актов. Речь идёт о соотношении юридической силы актов. От того, как выстроена соподчинённость правовых актов, в немалой степени зависит состояние законности» [19, с. 3]. Строгая иерархичность в российском законодательстве во многом предопределена верным законодательным решением вопроса о подзаконном характере актов Главы государства. Сторонников концепции, согласно которой в условиях отсутствия закона указы Президента, восполняющие законодательные пробелы, являются настоятельной необходимостью, в России – считанные единицы. Куда более распространённым является мнение о том, что «отказ – пусть даже и на уровне теории – от принципа подзаконности актов Президента Российской Федерации весьма опасен, поскольку способен внести дисбаланс в устоявшуюся систему иерархии правовых актов, что чревато возникновением коллизий, а также в условиях чрезвычайно широких и практически неконтролируемых полномочий Президента способен привести к крайне негативным и даже трагическим для общества и государства последствиям», – считают, например, Г. Прокофьев и Д. Скуратов [20, с. 7]. В этой связи нельзя не отметить тот факт, что В.В. Путин, а затем и Д.А. Медведев очень осторожно и, главное, законно реализуют правотворческие полномочия, оставляя в прошлом ельцинскую политику указного бесправия, крайне негативно отразившуюся в своё время и на устойчивости позиций Конституционного Суда России, его места и роли в правовой системе.

Проблема действия и исполнения актов органов конституционного правосудия напрямую зависит от законодательного уровня её решения. Только в таком случае можно наиболее ясно представить проблему связи, обязательности и юридической силы решений конституционных судов, а также определить, выступают ли они в качестве самостоятельного источника правовой системы или органически входят в неё в ином качестве. Следует учитывать, подчёркивает Н.В. Витрук [8, с. 41], что юридическая сила решений конституционных судов, и, соответственно, их «встроенность» в систему источников права зависит от содержания решений, которые определяются конкретными полномочиями конституционных су-

дов, осуществляемых в специальных видах производства (толкование конституции; предварительный и последующий контроль законов; разрешение споров о компетенции; участие в процедуре импичмента главы государства; разрешение конституционных жалоб и т.д.).

Мы разделяем точку зрения, что юридическая неопределённость актов конституционных судов, нерешённость вопроса об их обязательном и всеобщем характере ведёт к неисполнению либо ненадлежащему исполнению решений органов судебного конституционного контроля, что означает, по существу, игнорирование правосудия или свидетельствует о его неэффективности. Опыт тех зарубежных государств, где решение проблемы перенесено из доктринальной плоскости на законодательный уровень, свидетельствует о том, что это во многом способствовало росту авторитета конституционных судов и реальному проведению в жизнь принципа верховенства конституции, укреплению стабильности и прочности всего конституционного строя, эффективной защите прав и свобод человека. Например, статья 94(2) Основного Закона ФРГ предусматривает общее положение [21], при каких обстоятельствах решения Германского Конституционного Суда имеют силу закона (подчёркнуто нами. – А. П.), а в пункте 2 § 31 Закона «О Федеральном Конституционном Суде» говорится о том, что «в случаях, предусмотренных § 13, п. 6, § 11, § 12 и § 14, решение Федерального Конституционного Суда имеет силу закона» [22].

В Литовской Республике части 2 – 5 статьи 72 Закона «О Конституционном Суде» указывают: «Постановления Конституционного Суда имеют *силу закона* (курсив наш. – А. П.) и являются обязательными для всех институций власти, судов, всех предприятий, учреждений и организаций, должностных лиц и граждан. Все институции государства и их должностные лица должны отменить принятые ими подзаконные акты и их положения, которые основаны на акте, признанном неконституционным. Не должны осуществляться решения, основанные на неконституционном акте, если такие решения не были исполнены до принятия постановления Конституционного Суда. Сила постановления Конституционного Суда, которым акт признаётся неконституционным, не может быть преодолена принятием повторного акта или его частью» [23].

В Польской Республике до 1997 года существовало несколько причин, из-за которых не было ясно, какова обязательная сила решений Конституционного Трибунала Польской Республики. Поскольку Сейм Польской Республики в то время имел право отменить любое решение Конституционного Трибунала о неконституционности законодательного акта, то «оставалось неясным, – пишет Л. Гарлицкий, – в какой мере исполнение решений Конституционного Трибунала зависит от политической воли Сейма. ... Это право Сейма было упразднено лишь после принятия Конституции Польской Республики 2 апреля 1997 года» [24, с. 411]. В настоящее время в статье 190 Конституции Республики Польша однозначно указано, что решения Конституционного Трибунала имеют обязательную силу и являются окончательными [25, с. 263].

Следует согласиться с мнением Ж.И. Овсепян [26, с. 283] о том, что есть все основания утверждать о наличии двух важнейших составляющих в юридической природе актов европейских конституционных судов. Во-первых, их юридическая сила характеризуется верховенством в системе законодательства (постконституционный уровень) и высшей юридической силой по отношению к актам общих и иных судебных органов. Во-вторых, сам акт отмены законодательного либо иного нормативного акта, осуществляемый конституционным судом – это акт нормативного уровня, стоящий выше отменяемого нормативного акта. Тождествен ли этот акт по юридической силе отменяемому акту, либо даже Конституции – однозначного ответа учёный не даёт, но именно здесь, по нашему мнению, должна быть очень чётко нормативно сформулирована позиция самого законодателя.

В Республике Беларусь вопрос о юридической силе решений Конституционного Суда не отличается достаточной ясностью и последовательностью, и это во многом способствует возникновению различных недопониманий и неверных трактовок как среди учёных, так и практиков. *Во-первых*, в статье 9 Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь» не уточнено, какие категории решений рассматриваются через призму их юридической силы, что особенно важно установить при анализе проблемы «встроенности» тех или иных актов Конституционного Суда в действующую систему законодательства. *Во-вторых*, в статье 2 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», где перечисляются их виды, речь идёт не о решениях, но об актах Конституционного Суда, что ещё в большей степени «смазывает» ясность позиции законодателя. *В-третьих*, одна из базовых статей указанного Закона – статья 10 «Юридическая сила нормативных правовых актов», – вовсе не упоминает акты либо решения Конституционного Суда при определении их юридической силы и, соответственно, их места в системе законодательства. В результате субъекты правотворческой и правоприменительной деятельности не могут правильно «разместить» решения Конституционного Суда в системе законодательства с соблюдением всех необходимых критериев иерархической соподчинённости. Ссылка на статью 4 Закона, где говорится о том, что сфера действия настоящего Закона не охватывает акты Конституционного Суда Республики Беларусь, не вполне понятна, так как здесь решается вопрос не о правах и обязанностях Конституционного Суда по принятию своих актов, но о принципиальных вопросах согласованности решений Конституционного Суда с другими нормативными правовыми актами. *В-четвёртых*, законодатель выборочно включает акты Конституционного Суда в систему той или иной отрасли законодательства, когда решается вопрос об установлении источников правового регулирования. Например, пункт 1 статьи 3 Граж-

данского кодекса Республики Беларусь определяет состав гражданского законодательства, где в число актов гражданского законодательства, регулирующих гражданские отношения, включены акты Конституционного Суда. Но во всех других кодексах и законах Республики Беларусь, где решается вопрос об источниках правового регулирования, акты Конституционного Суда не фигурируют в качестве таковых.

Таким образом, законодательное решение вопроса о юридической силе актов Конституционного Суда не позволяет однозначно решить важную проблему о месте актов Конституционного Суда в действующей системе белорусского законодательства с установлением всех необходимых параметров, касающихся вопросов иерархии и соподчинённости. Между тем неурегулированность вопроса в этой сфере может отрицательно сказаться на качестве и эффективности права в целом, ведь с увеличением общего массива действующих источников права, усилением внимания к качеству правовых документов и юридической культуре правотворчества всё более отчётливо проявляется тенденция повышения степени урегулированности правотворческого процесса, упорядочивания содержания и форм нормативных правовых актов, установления их чёткого соотношения между собой.

Совершенно правы И.Н. Сенякин и В.М. Баранов, когда пишут о том, что «правилам правотворческой технологии должны быть подвластны все без исключения нормативно-правовые акты, а законодательство – иметь строго целевой характер и адекватно охватывать своим воздействием важнейшие сферы общественной жизни, учитывая их нюансы и особенности, поддерживать структурную субординацию внутри нормативного массива» [27, с. 51]. Вопрос «увязывания» всех нормативных правовых актов в единую систему – один из самых злободневных. Поэтому в настоящее время нужно стремиться к согласованности, непротиворечивости, конституционности издаваемых в Беларуси правовых актов, а для этого просто необходимо создание именно системы, которая бы отражала всё их многообразие, если, конечно же, под системой понимать «совокупность связанных между собой элементов, имеющих тот или иной правовой вид упорядоченности по определённым свойствам и связям и обладающих относительно устойчивым единством, характеризующуюся внутренней целостностью» [28, с. 77]. В силу своей природы и функций система нормативных правовых актов должна развиваться в направлении логической законченности, непротиворечивости, нести в себе оптимальные рычаги стабильности и формализованности, чёткости и ясности, иерархичности и внутренней согласованности. Только таким образом можно создать эффективное правовое пространство, по крайней мере, на нормативном уровне.

При решении данной проблемы достаточно явственно обозначается некий замкнутый круг: с одной стороны, совершенствование не только отдельных видов правовых актов (Конституционного Суда в том числе), но и всей системы законодательства является насущной задачей белорусского государства; с другой – для установления полноценных системных связей должны применяться эффективные и адекватные меры, которые могли бы обеспечить не только устранение противоречий и пробелов правового регулирования, но и определить место каждого нормативного правового акта в системе законодательства Республики Беларусь. Как нам представляется, главная проблема заключается не столько в многообразии видов и количестве нормативных актов, сколько в том, чтобы они были увязаны в единую систему. Решение всех этих вопросов в свою очередь является необходимым составляющим ещё более важной и объёмной проблемы, которая сформулирована российским учёным В.Ф. Попандуполо следующим образом: «На наш взгляд, исследование вопросов системы права и системы законодательства необходимо проводить не столько с точки зрения технической группировки норм права и нормативных актов, что само по себе тоже важно, а с самых широких позиций – с определения природы различных типов социальной деятельности и опосредующих их отношений, установления внутренних (определяющих) и внешних (определяемых) правовых форм, которые опосредуют эти отношения, выявленные через соответствующие системы (системы внутренних и внешних правовых форм)» [29, с. 79].

Звучащие в адрес белорусского законодателя критические замечания в самом обобщённом виде можно свести к трём составляющим: бессистемность законодательства; его внутренняя противоречивость; излишняя множественность нормативных правовых актов. И следует признать, что констатация наличия такого рода недостатков в действующем законодательстве «имеет отношение ко всем его структурным частям – иерархической (вертикальной) и отраслевой (горизонтальной)» [30, с. 5]. Рассмотрению конкретных примеров дефектов такого рода и поиску причин, их порождающих, в Беларуси уделяется недостаточное внимание не только в специальной юридической литературе, но и в статьях, выступлениях, посвящённых проблемам правотворчества и состояния действующей системы источников права. Однако ряд авторов высказались по проблеме, что создаёт определённый научный задел для дальнейших исследований.

В своих публикациях (книгах и статьях) обращается к данной теме Г.А. Василевич. Он объясняет это тем, что «в правоприменительной практике продолжают споры о подчинённости нормативных правовых актов, высказываются противоречивые мнения, возникают недоразумения, что не содействует единообразному и правильному пониманию правовых норм как важнейшего условия конституционной законности» [31, с. 67]. В большинстве случаев, решая проблему соотношения нормативных правовых актов и предлагая свой вариант выстраивания правовой «лестницы», учёный всё же обращается не столько к контурам системы законодательства, сколько системы права, так как характеризует юридиче-

скую силу общепризнанных принципов международного права и международных договоров, ставших обязательными для Республики Беларусь.

Такой подход в любом случае должен подразумевать и решение вопроса о «встроенности» норм актов Конституционного Суда в действующую систему правовых норм, расположенных по принципу правовой «пирамиды». В зависимости от юридической силы актов предлагается следующая их иерархия (соподчинённость) [31, с. 67]:

- 1) Конституция;
- 2) конституционные законы;
- 3) международные договоры Республики Беларусь;
- 4) законы, декреты и указы Президента;
- 5) постановления палат Парламента (особое значение имеют регламенты палат);
- 6) постановления Правительства;
- 7) постановления Национального банка;
- 8) акты министерств;
- 9) акты местных Советов депутатов (с учётом их уровня);
- 10) акты местных исполнительных и распорядительных органов (с учётом их уровня).

Схожие конструкции указаны Г.А. Василевичем и в других публикациях по данной проблематике (см. [32, с. 37; 33, с. 62; 31, с. 7]), и объединяет их то, что в таких правовых «пирамидах» не определено место норм, содержащихся в заключениях Конституционного Суда. В то же время, комментируя предложенные схемы, Г.А. Василевич делает ряд принципиальных оговорок, имеющих значение для понимания вопроса. В качестве примера приведём несколько тезисов: «Заключения Конституционного Суда, ... основанные на Конституции, обладают высшей юридической силой и прямым характером действия» [33, с. 60]; «Казуальное толкование Конституции Конституционным Судом... по своей юридической силе даже выше, чем толкование Парламента, поскольку по инициативе уполномоченных на то субъектов конституционный закон о толковании Конституции также может быть проверен на предмет его соответствия Конституции Республики Беларусь Конституционным Судом» [33, с. 62]; «Акты Конституционного Суда (заключения) являются источником права, по своей юридической силе идущими сразу вслед за Конституцией» (курсив наш. – А. П.) [33, с. 63].

Проблемам соотношения юридической силы нормативных правовых актов в Республике Беларусь уделяет внимание В.И. Реут. Не вдаваясь в полемику с автором по поводу его суждения о том, что в 1996 году «были найдены удачные конституционно-правовые решения, отличающиеся продуманностью, разумностью и взвешенностью» и «в Республике Беларусь нет оснований говорить о чрезмерности полномочий Главы государства» [35, с. 47], обратим внимание лишь на интересующий нас вопрос. В одной из своих работ В.И. Реут указывает [36, с. 61], что наличие в законодательном массиве значительного количества источников права обуславливает необходимость определения внутренней организации национального законодательства, иерархии входящих в него нормативных актов, поскольку очевидно, что при разработке и принятии (издании) нормативных актов необходимо исходить из безусловного соответствия актам большей юридической силы. Именно правильное понимание их субординации и соподчинённости всеми субъектами правотворческой и правоприменительной деятельности позволяет обеспечить реализацию конституционных принципов верховенства права и разделения властей.

Представляя белорусское законодательство в виде строгой иерархической системы нормативных правовых актов различного уровня, делается вывод о том, что «поскольку, исходя из положений статьи 116 Конституции, предметом рассмотрения Конституционного Суда могут быть любые нормативные акты, по своей юридической силе заключения Конституционного Суда должны следовать непосредственно *после самой Конституции*» (курсив наш. – А. П.). Далее автор верно акцентирует внимание на том обстоятельстве, что «данный вывод справедлив только в отношении заключений Конституционного Суда. ...Что касается иных решений, то в них, хотя и может констатироваться факт несоответствия какого-либо нормативного акта Основному Закону, данный акт не выводится из числа действующих нормативных актов, так как для этого требуется принятие решения соответствующего органа, принявшего (издавшего) этот акт. Таким образом, (просто) решение Конституционного Суда является лишь основанием для принятия подобных решений, ... вообще не должно оцениваться с точки зрения его юридической силы» [36, с. 62].

Заслуживает внимания точка зрения М. Хиль [37, с. 81] в связи с исследованием видов нормативных правовых актов Республики Беларусь и их юридической силы. Автор законодательство рассматривает в трёхступенчатом измерении, причём акты Конституционного Суда Республики Беларусь располагает на третьей ступени законодательства в числе подзаконных нормативных правовых актов. По нашему мнению, термин «подзаконный нормативный правовой акт» не уместен в отношении актов Конституционного Суда. Если уж именовать их с иерархической смысловой нагрузкой, то более верными и корректными следует признать термины «подконституционный акт» либо «акт законодательства». Нельзя согласиться и с мнением автора о том, что «акты Конституционного Суда, которые принимаются в виде решений согласно статье 2 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» являются норма-

тивными правовыми актами». Не все решения, а лишь заключения, вынесенные в результате осуществления нормоконтрольных функций на основании полномочий, предоставленных статьей 5 Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь» Конституционному Суду, являются нормативными. Но в конечном счёте М. Хиль делает верный вывод о том, что решения (правильнее – заключения. – А. П.) Конституционного Суда имеют приоритет над нормативным правовым актом, по которому принято решение о его неконституционности, а в иерархии правовых актов Республики Беларусь в зависимости от их юридической силы решения Конституционного Суда располагаются вслед за Основным Законом. Но в таком случае, и это вытекает из итоговых рассуждений автора, заключения Конституционного Суда не могут быть причислены к третьей ступени законодательства. Их место – на постконституционном уровне, с приоритетом не только в отношении актов законодательства, но и законодательных актов (законов, декретов, указов).

Интересен подход С.А. Калинина, сложившийся в рамках исследования эволюции источников права Республики Беларусь. Позиция автора основывается на том, что говорить об актах судебных органов как нормативных актах, не учитывая их специфики, не совсем корректно, и поэтому акты Конституционного Суда *в системе источников права* (курсив наш. – А. П.) *занимают особое место*. С.А. Калинин верно отмечает, что «в процессе конституционной реформы иерархия нормативных правовых актов была изменена в связи с тем, что Президент Республики Беларусь был наделён правом издания декретов, имеющих силу закона. ...Принцип верховенства закона был заменён принципом верховенства права, то есть основной принцип позитивизма о примате формы права заменили принципом примата содержания, и поэтому право Беларуси выступает в форме Конституции, принятых в соответствии с ней актов законодательства, ... выражается и в иных источниках, которые не противоречат вышеназванным и выполняют субсидиарную функцию» [38, с. 60]. Учёный считает нецелесообразным признавать нормативными правовые акты судебной власти, кроме заключений Конституционного Суда, которые он в свою очередь характеризует «специфическими нормативными актами». Акты же Пленумов Верховного и Высшего Хозяйственного Судов, обобщающих практику применения законодательства, автор предлагает именовать так называемыми субсидиарными источниками права.

Обратим внимание на подход Д.А. Лагуна, признающего отсутствие чёткой иерархии нормативных правовых актов в Республики Беларусь. Автор полагает, что система национального законодательства «раздваивается на субконституционном уровне, и в основе такого раздвоения лежит принцип разделения конституционной компетенции Президента и Парламента» [39, с. 84]. Однако, выясняя соотношение декретов и указов с законами в предложенной иерархии, Д.А. Лагун не увязывает данную проблему с деятельностью Конституционного Суда Республики Беларусь, хотя тому есть определённые основания. Рассматривая вопрос о соподчиненности нормативных правовых актов (закона, декрета, указа), Конституционный Суд, проверяя конституционность оспариваемого нормативного акта, вправе установить их соответствие Конституции, например, с точки зрения разграничения компетенции между Парламентом и Президентом, либо по содержанию норм. Напомним, что в соответствии со статьей 11 Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь» пределы разрешения данных вопросов, поставленных на рассмотрение Конституционного Суда, определяет сам Конституционный Суд. Вынесенное по такому делу заключение будет иметь, таким образом, непосредственное отношение к указанной проблеме и его место в иерархической структуре законодательства должно быть чётко определено.

Здесь уместно привести точку зрения Г.А. Василевича [32, с. 38] о том, что закон как источник правового регулирования должен рассматриваться основным регулятором общественных отношений, но в связи с тем, что по Конституции Республики Беларусь есть исключительные конституционные полномочия Президента, которые он может реализовать посредством издания нормативных правовых актов, и эти акты могут по своей юридической силе идти вслед за Конституцией, логично было бы «завершить такую конструкцию наделением Конституционного Суда правом разрешать споры о компетенции. Ведь правоприменительно необходимо определить (не в политическом, а юридическом смысле), какой акт выше – закон или указ. Вот для этих целей за рубежом и наделяют конституционные суды правом разрешения споров о компетенции. У нас в стране этого нет, однако выходом из данной ситуации может быть постановка вопроса о проверке этих актов, по-разному регулирующих один и тот же вопрос, на соответствие Конституции. В процессе этого будет выявлено верховенство» [32, с. 38]. Но такая практика в сфере конституционного правосудия в Республике Беларусь не сложилась.

Оставил вне рассмотрения анализ юридической природы заключений Конституционного Суда и их «встроенность» в иерархию нормативных правовых актов Республики Беларусь А.А. Кебец [40, с. 93]. Анализируя действующее законодательство в качестве иерархической лестницы нормативных правовых актов на основе статьи 2 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», учёный не даёт ответа на вопрос о месте на такой «лестнице» актов Конституционного Суда, как впрочем, и актов Верховного и Высшего Хозяйственного Судов Республики Беларусь.

В диссертации «Юридическая природа нормативных актов государственных органов Республики Беларусь» Е.В. Семашко, исследуя систему источников белорусского права, в качестве одной из задач указывает на необходимость «классификации нормативных правовых актов государственных органов

Республики Беларусь» [41, с. 3], однако в работе вопрос о юридической природе актов Конституционного Суда и их месте в системе белорусского законодательства детально не рассматривался.

По мнению А.П. Дербина, заключения Конституционного Суда занимают высокое место в иерархии нормативно-правовых актов Беларуси. Однако единства в вопросе об их юридической силе до настоящего времени не достигнуто во многом из-за того, что «жёсткое нормативное закрепление иерархии нормативных правовых актов, определение места каждого из них в системе актов, установление чётких правил разрешения коллизий между нормативными актами в Республики Беларусь отсутствуют» [42, с. 7].

Достаточно чёткий ответ на вопрос, какое конкретно место, находим у Н.В. Сильченко: «...юридическая сила заключённых Конституционным Судом Республики Беларусь адназначна акрэслена ў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь. Паколькі абсалютна ўсе крыніцы сучаснага беларускага права могуць быць правяраны Канстытуцыйным Судом на іх адпаведнасць Асноўнаму Закону краіны, то юридическая сила заключённых Конституционным Судом не можа быць меншай за юридическую силу гэтых крыніц права, яна іх пераўзыходзіць, саступаючы толькі юрыдычнай сіле Канстытуцыі» [43, с. 446].

В целом, как можно было убедиться, такой позиции придерживаются и другие белорусские авторы, она постепенно утверждается на практике, её доктринально обосновали во многих европейских странах. Но рассматриваемый вопрос заставляет взглянуть на проблему шире.

Заключение. Уяснение места и роли заключений конституционного суда в системе законодательства в обязательном порядке подразумевает, что последнее является именно системой, а не просто набором нормативных правовых актов. Как утверждает С.В. Поленина, законодательство является органичной, а не суммативной системой, и для «признания системного характера недостаточно наличия любого множества элементов, выполняющих определённые функции... Законодательство может развиваться лишь через диалектическое соотношение между своей структурой в целом и составляющими элементами» [44, с. 5]. Законодательство как нормативный порядок невозможно без следования принципу иерархии. Только посредством иерархии в праве достигается единство большого числа различных нормативных актов и их согласованное действие.

Без иерархии в системе законодательства невозможно функционирование правового порядка в целом, и установление строгих иерархических отношений должно быть важнейшим принципом в построении законодательства, которое состоит из многочисленных нормативных правовых актов, имеющих различную юридическую силу и вследствие этого занимающих разные места в «пирамиде», «лестнице» актов этой системы. Причём формальные критерии построения иерархии преобладают над материальными, то есть более высокое место акта происходит не столько из его содержания, сколько из того, к какому виду акта он принадлежит и каким органом был принят. Вследствие этого заключения Конституционного Суда Республики Беларусь должны располагаться на постконституционном уровне и иметь верховенство над любыми актами законодательства.

В Беларуси многие проблемы остаются нерешёнными, хотя концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренная указом Президента от 10.04.2002 № 205 [45], декларирует, что «процесс развития и совершенствования законодательства Республики Беларусь во многом зависит от создания внутренне согласованной, научно и логически обоснованной системы законодательства, и для её реформирования необходимо... разрешить проблемы иерархического соподчинения нормативных правовых актов, в первую очередь законодательных (п. 11 Концепции)», а в пункте 15 говорится о том, что «на современном этапе развития законодательства наиболее актуальной задачей становится достижение стабильности и непротиворечивости актов законодательства». Пока же, и это неоспоримо, система законодательства Республики Беларусь не подпадает ни под одну из указанных характеристик.

По нашему мнению, решению поставленных задач сбыться не суждено, пока в нашем государстве не будет конституционно провозглашён и практически реализован принцип верховенства закона. Это является необходимым условием для осуществления эффективного судебного конституционного контроля, иначе полностью выхолащивается значение и смысл категории «конституционная законность», лежащей в основе понимания всего конституционного правопорядка.

Формируемый конституционный порядок должен иметь чёткую ступенчатую структуру. По мнению М. Мищайкова и М. Йовичича [46, с. 54], отсутствие в правовой системе устойчивых отношений между нормами и актами приводит к хаосу и анархии, нарушает принцип единства в осуществлении права. Отсюда в любом правовом порядке для осуществления правовых целей в обществе подчёркивается необходимость взаимной согласованности правовых норм и правовых актов. Все правовые предписания (по оптимальной предпосылке – абсолютно все) должны быть представлены единым монолитным блоком и согласованы между собой.

В преломлении на белорусскую ситуацию актуальной представляется точка зрения Н. Висковича [46, с. 68], который приходит к выводу о том, что иерархические отношения между правовыми нормами либо нормативными актами только частично определяются в правовой практике, где можно различать «формальные» и «фактические», «легальные», «паралегальные» и «нелегальные» отношения между правовыми нормами. Поэтому в одних государствах формируются догматические легалистические доктрины

ны, признающие лишь те иерархические отношения между правовыми нормами, которые в буквальном смысле прописаны в законодательстве, в других – реалистические доктрины, признающие все фактические иерархические отношения независимо от того, предусмотрены они конституцией и другими высшими правовыми актами или нет. Республика Беларусь относится ко второй группе государств, что в условиях неустановившегося конституционного порядка вряд ли следует считать нормальным. Поэтому насущной задачей Белорусского государства является совершенствование не только отдельных видов нормативных правовых актов, но и всей системы законодательства, а если шире – системы источников права. Для установления полноценных системных связей должны применяться на законодательном уровне такие меры, которые обеспечат не только устранение коллизий и пробелов правового регулирования, но и четко определяют место каждого правового акта в иерархической системе законодательства, в том числе и заключений Конституционного Суда Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юрид. вузов и фак. / М.В. Баглай. – М.: НОРМА, 2000. – 776 с.
2. Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права / О.Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 2001. – 444 с.
3. Кутафин, О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации / О.Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 2002. – 348 с.
4. Пудовочкин, Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации / Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2003. – № 4. – С. 64 – 75.
5. Спектор, Е.И. Судебный прецедент как источник права / Е.И. Спектор // Журнал российского права. – 2003. – № 5. – С. 86 – 96.
6. Зорькин, В.Д. Современный мир, право и Конституция / В.Д. Зорькин. – М.: НОРМА, 2010. – 544 с.
7. Марченко, М.Н. Судебное правотворчество и судейское право / М.Н. Марченко. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 512 с.
8. Витрук, Н.В. Исполнение решений Конституционного Суда в Российской Федерации / Н.В. Витрук // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 3(40). – С. 53 – 63.
9. Витрук, Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда в Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение / Н.В. Витрук // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: сб. – М., 1999. – С. 96 – 105.
10. Конституционный судебный процесс: учеб. для вузов / отв. ред. М.С. Саликов. – М.: НОРМА, 2003. – 416 с.
11. Эбзеев, Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд / Б.С. Эбзеев. – М.: Закон и право: Изд. «ЮНИТИ», 1997. – 349 с.
12. Енгибарян, Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции / Р.В. Енгибарян. – М.: НОРМА, 2010. – 496 с.
13. Подольская, Н.А. Прецедент как источник права в романно-германской правовой семье / Н.А. Подольская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1999. – № 6. – С. 80 – 88.
14. Колесников, Е.В. Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права / Е.В. Колесников // Правоведение. – 2001. – № 2. – С. 32 – 53.
15. Сивицкий, В.А. Некоторые теоретические проблемы систематизации конституционного законодательства Российской Федерации / В.А. Сивицкий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2000. – № 2. – С. 59 – 70.
16. Исаков, Н.В. Правовые акты: общетеоретический аспект исследования / Н.В. Исаков, А.В. Малько, О.В. Шопина // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 16 – 28.
17. Судебная практика как источник права: сб. ст. / Б.Н. Топорнин [и др.]. – М.: Юристъ, 2000. – 160 с.
18. Стариков, Ю.Н. Административное право: в 2 ч. / Ю.Н. Стариков. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – Ч. 2. Книга вторая. – 432 с.
19. Дудко, И.Г. Система правовых актов субъектов Российской Федерации / И.Г. Дудко // Конституционное и муниципальное право. – 2001. – № 3. – С. 2 – 4.
20. Прокофьев, Г. Проблемы классификации форм участия Президента РФ в правотворческом процессе / Г. Прокофьев, Д. Скуратов // Конституционное и муниципальное право. – 2001. – № 3. – С. 4 – 7.
21. Бергман, В. Основной Закон Федеративной Республики Германия. Введение и научное консультирование / В. Бергман. – Бонн, Клаусен & Боссе, Лек., 1998.
22. О Федеральном Конституционном Суде: Закон Федеративной Республики Германии, 12 марта 1951 г.: в ред. Закона от 12 дек. 1985 г. – Бонн: Германский Фонд междунар. правового сотрудничества, 1996.
23. О Конституционном Суде: Закон Литовской Республики от 3 февр. 1993 г. // Ведомости Литовской Респ. – 1993. – № 6.
24. Garlicki, L. Pierwsze orzeczenie Trybunału Konstytucyjnego – refleksje w 15 lat później / L. Garlicki // Trybunał Konstytucyjny. Księga XV – lecia. – Warszawa, 2001. – 437 p.

25. Вашкевич, А. Основы конституционного права Республики Польша: пособие для студентов вузов / А. Вашкевич. – Минск: Тесей, 2007. – 488 с.
26. Овсепян Ж.И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах / Ж.И. Овсепян. – Ростов н/Д: «Литера-Д», 1992. – 320 с.
27. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование (обзор материалов науч.-метод. семинара) / подготовили: В.В. Гриб [и др.] // Юрист. – 2001. – № 7. – С. 47 – 58.
28. Шопина, О.В. Система правовых актов: проблемы выстраивания / О.В. Шопина // Правовая политика и правовая жизнь. – 2002. – № 2(7). – С. 76 – 79.
29. Попандопуло, В.Ф. Система общественных отношений и их правовые формы (к вопросу о системе права) / В.Ф. Попандопуло // Правоведение. – 2002. – № 4. – С. 78 – 101.
30. Системность законодательства как фактор повышения его качества (статья подготовлена Сектором общей теории и социологии права ИГП РАН) // Государство и право. – 2002. – № 8. – С. 5 – 15.
31. Василевич, Г.А. О соотношении нормативных актов / Г.А. Василевич // Юрист. – 2002. – № 4(II). – С. 66 – 69.
32. Василевич, Г.А. Конституция – главный документ для законотворческой и правоприменительной деятельности / Г.А. Василевич // Вестн. Конст. Суда Респ. Беларусь. – 2000. – № 4. – С. 37 – 46.
33. Василевич, Г.А. Решения Конституционного Суда – важнейший источник права / Г.А. Василевич // Вестн. Конст. Суда Респ. Беларусь. – 1999. – № 3. – С. 59 – 64.
34. Василевич, Г.А. Нормативные правовые акты государственных органов Республики Беларусь / Г.А. Василевич. – 2-е изд., доп. – Минск: «Право и экономика», 2001. – 235 с.
35. Реут, В.И. Проблема расширения полномочий Национального собрания Республики Беларусь: пути решения / В.И. Реут // Вестн. Конст. Суда Респ. Беларусь. – 2000. – № 4. – С. 47 – 53.
36. Реут, В.И. Иерархия нормативных правовых актов в Республике Беларусь / В.И. Реут // Право Беларуси. – 2003. – № 10(34). – С. 61 – 67.
37. Хиль, М. Виды нормативных правовых актов Республики Беларусь и их юридическая сила / М. Хиль // Главный бухгалтер. – 2002. – № 9. – С. 81 – 84.
38. Калинин, С.А. Проблемы реформы системы права в Республике Беларусь: дис. ... канд. юрид. наук 12.00.01 / С.А. Калинин; БГУ. – Минск, 2001. – 138 с.
39. Лагун, Д.А. Правовые акты Президента Республики Беларусь: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д.А. Лагун; БГУ. – Минск, 2002. – 123 с.
40. Кебец, А.А. Иерархия нормативно-правовых актов Республики Беларусь / А.А. Кебец // Теоретические и практические проблемы соотношения международного и национального права: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1, Гродно, 28 – 29 апр. 2000 г. / Гродн. гос. ун-т. – Гродно: ГрГУ, 2000. – С. 91 – 93.
41. Семашко, Е.В. Юридическая природа нормативных актов государственных органов Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Е.В. Семашко; БГУ. – Минск, 2003. – 20 с.
42. Дербин, А.П. Источники конституционного права Республики Беларусь: теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / А.П. Дербин; БГУ. – Минск, 2002. – 21 с.
43. Сільчанка, М.У. Агульная тэорыя права: вучэб.-метаад. компл. / М.У. Сільчанка. – Гродна: ГрДУ, 2008. – 709 с.
44. Поленина, С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России / С.В. Поленина // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 5 – 12.
45. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г. № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 25 апр. 2002 г. – № 46. – 1/3636.
46. Мицайков, М. Иерархия в праве / М. Мицайков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1999. – № 6. – С. 53 – 71.

Поступила 14.03.2011

DECISIONS MADE BY THE CONSTITUTIONAL COURT IN THE LEGISLATIVE SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. PUGACHEV

The legal nature of final decisions of the constitutional courts is found out in a context of a problem of sources of the right. The reasons of ambiguous understanding of final decisions of the judicial constitutional control over Belarus and the Russian Federation are explained. The leading scientific positions of this problem are shown. The reasons of imperfection of working system of the legislation of Belarus are found out. Unacceptability of refusal of a principle of leadership of the law is especially emphasized. It is judged that effective legal order is impossible without rigid observance of hierarchy in system of the legislation. The role of the constitutional justice in construction of hierarchical system of the legislation is shown.